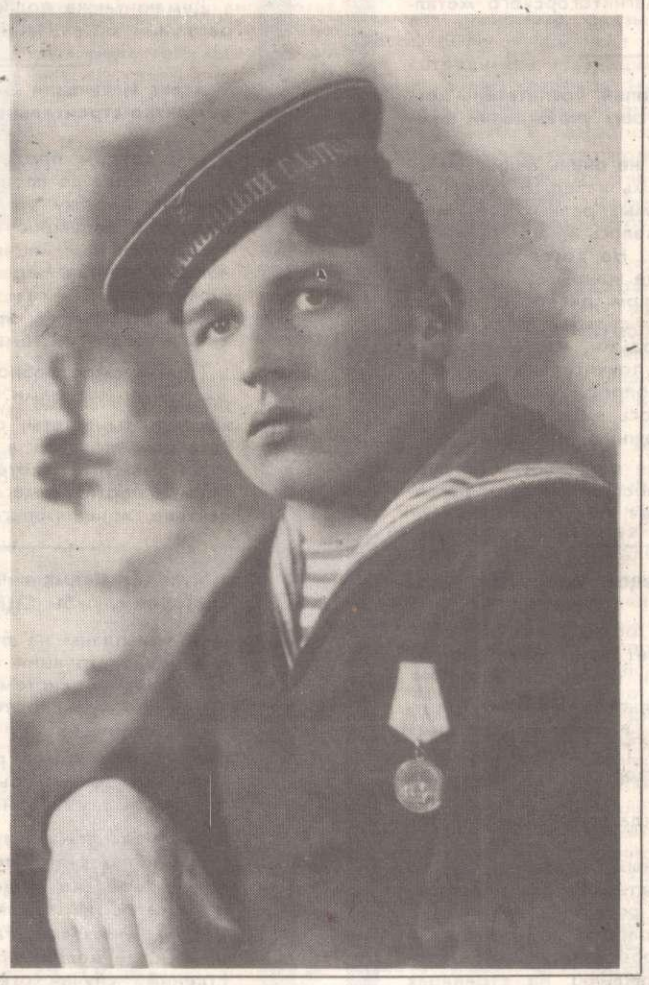
300-Т

На конкурс «50 лет в рабочем строю»

Священная память



КТО из мальчишек не мечтал стать моряком. Правда, у многих из них само море с его суровой романтикой затмевали бескозырка, тельняшка, брюки клеш, да этакая залихватская походка «в развалочку».

Была такая мечта и у Виктора Родикова. В конце грозного сорок второго года его призвали на флотскую службу. После окончания школы мотористов он был направлен в Ленинград. Вот и суровая Балтика. Зачислили Виктора на бронированный катер — «морской охотник». Некогда было любоваться ладно пригнанной формой, да и романтикой особо не пахло. Начались полные тревог, тяжелые матросские будни. В первый же день механик отряда спустился с Виктором в машинное отделение. Пристально оглядел его плотную фигуру и положил на плечо новичка свою тяжелую, жесткую ладонь.

— Вот, хлопчик, твое хозяйство, — сказал он. — Это сердце катера. Надеюсь, будет работать как часы.

Так заступил на свою первую вахту моторист Виктор Родиков. Команда катера была небольшая, дружная. Особенно сошелся он с комендором Иваном Благовым. Веселый, неунывающий человек, тот всегда находил место шутке. Бывало, прежде чем начать с кем-то разговор, он с улыбкой обращался: «А ну, морская душа».

На катере по фамилии его не называли. Чуть что: «А где морская душа?»

«Морские охотники», где служил Родиков, базировались на острове Лавенсари, самой северной точке защиты Ленинграда. Ночами немцы минировали подходы к городу Ильича. Наши тральщики ежедневно вылавливали мины. Приходилось внимательно следить за каждым квадратным метром моря. Чуть просчитаешься, как сурово шутили моряки, и полетишь на свидание к господу богу. Особенно запомнилась Виктору одна операция: более десятка «морских охотников» и два монитора должны были высадить десант в устье реки Нарвы. Было это 14 января 1944 года. Всю ночь шли малым ходом, чтобы не выдать себя шумом. Операция осложнялась тем, что десант надо было высадить под самым носом противника. Было раннее утро. Вдруг катер дрогнул и стал круто раскачиваться с борта на борт. Родиков выскочил на палубу. Наши суда попали под свет фашистских прожекторов. Гремели орудийные раскаты. Берег был совсем рядом. За него уже зацепились первые подразделения морского десанта и вступили в жаркий бой за плацдарм. Но вот в темное небо взлетели сигнальные ракеты: десант высадился, курс — на базу. Долго еще немецкие батареи «провожали» наши суда.

В машинном отделении было жарко от работающих на полные обороты двигателей. Но Родикова трясло от холода. На палубе его с ног до головы окатило ледяной балтийской водой, поднятой очередным вражеским снарядом. За броневой обшивкой судна стонала штормовая волна. Постепенно согреваясь, Виктор вспоминал родную Магнитку, доменный цех, где он работал горновым. В мыслях он «прокручивал» все то, что успел за свои двадцать лет. Осенью сорокового года поступил в ремесленное училище на горнового. Война сломала все учебные планы. Рабочих на комбинате не хватало, ведь многие кадровые ушли на фронт. Ранней весной сорок второго Родиков стал горновым. Провожая своих питомцев на производство, старый преподаватель Петр Жигулев сказал:

— Знайте, что будет вам трудно, но помните, что на фронте куда труднее. Там сражаются ваши отцы, старшие братья. Если хотите им помочь быстрее разгромить врага — работайте на совесть.

Эти слова старого коммуниста вспоминал он теперь:

— Ну что, морская душа, — сказал комендор Благов. Он похлопал моториста по сырому бушлату. — Скажи фрицам спасибо, что под душем искупали, а не отправили на небо.

Лицо комендора стало серьезным. Горестно сообщил: «Идем без одного катера. Жаль хлопцев... Ну, держись, морская душа!»

Много еще было походов. Однажды в районе Стойкиной горы, что под Нарвой, отряд «морских охотников» нес патрульную службу. День был тихим, солнечным.

— Вдруг слышим гул самолетов, — вспоминает Родиков, — гул нарастает, а самолетов не видно. «Мессеры» вынырнули неожиданно, из-под самого солнца, и полоснули по катерам из пушек и пулеметов. На нашем катере ранило четверых. Боцман Конев тут же скончался. Я получил легкие осколочные ранения в обе руки, в грудь и в голову.

Месяца через два был снова в боевом строю.

День Победы Виктор Васильевич встретил в порту Пилау, ныне город Балтийск. И еще пять долгих лет старшина первой статьи Родиков нес напряженную службу по обезвреживанию от мин водных просторов советской Балтики.

Бывают у человека в жизни случаи, которые память хранит вечно. В один из летних дней сорок шестого года «морской охотник», на котором служил Родиков, нес боевую вахту. Следуя за тральщиком, катер расстреливал всплывающие мины. Над водой висел сырой, тягучий туман. Катер шел тихим ходом. Вдруг сверху команда: «Стоп!»

Родиков застопорил машину. Стало непривычно тихо. Катер еще какой-то момент двигался по инерции.

— Что-то неладное случилось, — решил Виктор Васильевич и выскочил на палубу.

Оцепеневшие матросы смотрели за корму. Показалась мина. «Под брюхом прошла», — догадался Родиков. Черная круглая смерть, медленно раскачиваясь на волне, обнажила свои длинные рожки. Экипаж стоял в оцепенении. Даже весельчак Благов молчал. Мину расстреляли...

Уволился из армии Виктор Васильевич весной пятидесятого года. Поезд мчит его в далекую, родную до боли, Магнитку. В скольких же коротких и беспокойных снах видел он ее ровные улицы, стройные ряды доменных и мартеновских печей. Часто во сне разговаривал с родными, с хлопцами из ремесленного. И вот шагает старшина первой статьи по родной уральской земле.

Через неделю пошел устраиваться на работу в доменный цех. Идя по заводу, отмечал про себя много заметных изменений. В крейсерском ряду доменных печей добавилось две новых; уплотнились ровные ряды мартеновских труб; появилось много высоких промышленных корпусов. Шел Родиков и думал о том, что сверстники его, с которыми вместе вышли из ремесленного, конечно же, по мастерству и опыту своему шагнули далеко вперед. На пути в цех встретил старшего горнового Ивана Белича. Только работает ныне он уже мастером. Тоскливо как-то стало на душе у Родикова. Но ведь на то она и есть, флотская закалка.

— А ну ты, морская душа, — проговорил он тихо сам себе, — подтянись быстренько.

Направили Виктора Васильевича горновым на четвертую домну к известному мастеру Василию Кононовичу Горностаеву. Через непродолжительное время перевели газовщиком. Должность эта требует не только солидного практического опыта, но и высокой теоретической подготовки. Родиков уяснил это для себя сразу и пошел в школу мастеров. Окончив ее, понял, что этого мало. Поступает в индустриальный техникум. Тяжело было совмещать работу с учебой. Спасибо супруге, Надежде Николаевне, с которой он соединил судьбу через год после возвращения со службы, многое из домашних работ брала на себя. Молодые ведь — хотелось и в кино, и в театр сходить. А Надежда брала его нежно под руку и провожала до самого техникума.

В 1959 году Виктора Васильевича назначают мастером на седьмую печь. Летом шестьдесят четвертого готовилась к пуску девятая домна. Печь была с двумя чугунными летками, с высокой степенью автоматизации. Задолго до пуска этого уникального агрегата сюда назначают мастером Родикова. Он руками прощупывал кладку печи, утяжку холодильника, другие ответственные узлы. Первую плавку провели горновой П. Н. Губенко и старший мастер А. Л. Шатилин. Но период освоения печи не такой уж короткий. Поэтому на свою первую смену Родиков пришел рано, как на большой ответственный экзамен. Опытные горновые Василий Овчинников и Игорь Никитин вселяли уверенность, но мастер все равно волновался. Внешним своим видом волнения он не выдавал, на то она и есть — флотская закалка. Ровные, без горячности, его команды четко выполняли подчиненные. Работа шла споро, без излишней сумятицы. И вот чугуновозные ковши принимают металл очередной плавки нового агрегата. За успешную работу на девятой доменной печи мастер Родиков был отмечен премией Г. И. Носова.

О себе Виктор Васильевич говорит мало, зато очень тепло отзывается о товарищах по огню. А давайте послушаем, что говорят о нем его коллеги.

— Я воспитанник Виктора Васильевича, — говорит известный ныне специалист, мастер Хамит Хайбулов, — это исключительной души человек, прекрасно знающий свое дело. Тактичный, высочайшей выдержки мастер. Помню, случилась серьезная поломка. Другой бы на его месте растерялся, начал горячиться. А он спокойно, ровным голосом отдает команду: понизить температуру дутья, перекрыть кислород, понизить давление. Мы, подчиненные, делали свое дело быстро и уверенно. Через некоторое время печь пошла в нормальном режиме.

Родиков был не только хорошим технологом, но и внимательным, чутким наставником. Ни окрика, ни повышенных тонов он не допускал. Но и не было сюсюскания и похлопывания по плечу. Работал в его Дрожжин. Частенько допускал промашки в работе. Состоялся у Родикова с ним обстоятельный, мужской разговор. Давно это было. Сейчас Дрожжин работает газовщиком на седьмой печи. В цехе он на хорошем счету. Беседы с Виктором Васильевичем помнит и благодарен ему за житейскую науку.

Общественные дела: был в составе цехового профсоюзного комитета, избирался членом ЦК рабочих металлургической промышленности, членом обкома партии.

Вот уже восьмой год Виктор Васильевич Родиков на заслуженном отдыхе. Ветеран частенько заходит в цех, на доменных печах беседует с товарищами по огню. В марте этого года был на своей, девятой печи, сокрушался за февральский сбой в работе.

Дома, в семье, Родиков редко рассказывал о работе, о своих товарищах по труду. Но если рассказывал, то с величайшей гордостью за огненную профессию доменщика. Видимо, поэтому сыновья пошли по отцовским стопам. Старший, Павел, закончил институт и работает в доменном цехе электриком, младший, Александр, окончил техникум, работает горновым на отцовской, девятой печи.

9 Мая Виктор Васильевич Родиков наденет свои боевые и трудовые награды. А в них священная память о суровой военной Балтике, о боевых флотских парнях, о горячих делах на легендарных домнах Магнитки.

И. ДАВЫДОВ,
ветеран войны и ветеран труда металлургического комбината.

БЕСПОКОЙНАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Ему за шестьдесят. Давненько уж на заслуженном отдыхе. Но это, так сказать, официально. Он бодр, активен, и покой ему лишь снится. В редакции Иван Ефремович Давыдов — свой человек, пишет о хороших людях, критикует за промахи. Начинал когда-то с информаций в несколько строк, теперь вот уже и к очерку подступается.

Давыдов — сын первостроителя Магнитки. Отец его еще первые доменные печи возводил. Семья была большая. Потому после семилетки шестнадцатилетнему Ивану пришлось начинать отрабатывать родительский хлеб. Пошел на рудник помощником машиниста бурового станка. И в зной, и в стужу под небесной крышей на крутом горном уступе. Романтика — будь здоров. Перед войной в электромонтеры на горном транспорте выбился.

За три недели до начала войны призвали Давыдова в армию на действительную службу. В ноябре сорок второго в бою под Старой Руссой его тяжело ранило. После госпиталя определили ему третью группу инвалидности и демобилизовали.

И снова Магнитка — город его детства и юности. Работал в вахтерской охране комбината, потом перешел контролером в отдел технического контроля. В детстве Давыдов рифмовал слова, оформлял стенгазету в школе. Теперь вот, в зрелом уже возрасте, появилось желание писать о хороших людях в газету. Да все как-то робел. А тут как раз в городской газете объявление — приглашали в двухгодичную школу рабкоров. Поступил. Учился прилежно, теорию совмещал с практикой: участвовал в рейдах, писал небольшие информации об успехах своего первого листопрокатного.

Вспоминается Ивану Ефремовичу такой случай:

— Отремонтировали у нас в цехе столовую — красотища, уют, а готовят по-прежнему плохо. Окружили меня рабочие в обед и давай журить: «Вот ты, корреспондент, в своих заметках все только хвалишь. Черканул бы в газету — столовая, что тебе терем отделана, а кормят, сам знаешь как». Написал я в нашу заводскую многотиражку заметку: «Не красна изба углами». По правде говоря, не ожидал такого чуда — готовить стали хорошо. Рабочие в восторге: «Ну, Ефремыч, ну голова, спасибо тебе!»

Или еще. Как-то проходил Давыдов по адъюстажу и обратил внимание на пачку отсортированного листа. Кромка листа смята — брак. Стал разбираться. Оказывается, часть листа получает дефект при уборке цепями. Давно уже дали механикам заказ на изготовление специальных уборочных граблей. Расстроился и обозлился контролер. Начальнику цеха написал докладную, а по поводу заказа «с бородой» — в «Магнитогорский металл». Через неделю заказ был выполнен, выход брака прекратился.

Давно, много и интересно пишет в газету Иван Ефремович. Величайшее удовлетворение приносит ему, если его корреспонденция помогает в цехе расширить узкое место, если герой его зарисовки или очерка говорит спасибо, работает еще лучше. Что и говорить, рабкор — это беспокойная общественная должность. Недаром ведь люди осторожные за перо не берутся. Кое-когда и постоять за свой авторский материал надо, оправдать каждую его строку. Рабкор Иван Ефремович Давыдов умело, с чувством высочайшей ответственности пользуется самым сильным оружием партии — чеканным газетным словом.

М. ГОРШКОВ,
персональный пенсионер, ветеран труда ММК, заведующий общественной редакцией, член Союза журналистов СССР.